

лы междунар. науч. конф. / под ред. А.В. Семенова, Ю.С. Руденко. – М.: МУ им. С.Ю. Витте, 2012. Ч. 3. – 618 с.

8 Полякова Е.И. Интеграция аудиторных и внеаудиторных занятий как фактор формирования у студентов интереса к освоению опыта межкультурного взаимодействия // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9). Ч. 2. С. 149-151.

9 Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. С. 97-112.

10 Кармин А.С. Основы культурологии: мифология культуры. – СПб.: Лань, 1997. – 512 с.

11 Hills M.D. (2002) / Kluckhohn and Strodtbeck's Values Orientation Theory. Online Readings in Psychology and Culture, 4(4). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1040>

12 Фрик Т.Б. Основы теории межкультурной коммуникации. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 100 с.

13 Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). – М., 2012. С. 8-17.

14 Казакова Н.Ю. Общечеловеческая ценность семья в русском и немецком языковом сознании // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). – М., 2012. С. 194-203.

15 Geert Hofstede. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd ed. Thousand Oaks CA: Sage Publications, 2001.

16 Аниол А.В. Определение основных закономерностей развития межкультурных и международных коммуникаций в современном мире // Инновационное развитие общества: условия, противоречия, приоритеты: материалы междунар. науч. конф. / под ред. А.В. Семенова, Ю.С. Руденко. – М.: ЧОУВО МУиВ, 2014. Ч. 1. С. 458-461.

17 Потатуров В.А. Культура и цивилизация: диалектика взаимоотношений (методологические аспекты) // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 3. С. 52-62.

18 Рыбакова Н.А. Самоактуализация педагога в профессиональной деятельности и условия ее становления // Вестник Московского института лингвистики. 2012. № 3. С. 100-105.

19 Исаев Е.А. Культурное самоопределение студентов в языковой образовательной среде вуза // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. С. 59-63.

20 Аркова Т.И. Гуманитарное образование как основа преемственности духовно-нравственных ценностей // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. С. 99-103.

21 Вагнер И.В. Развитие воспитательной компоненты образовательного процесса в высшей школе // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. С. 68-74.

22 Шлычков В.Р. Девиантное поведение личности как социально-психологический феномен: анализ проблемы, типология форм и возможности профилактики // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. С. 33-41.

Intercultural communication and its role in the educational process for bachelors and masters

Alexander Viktorovich Aniol, PhD., Reader, Moscow Witte University

The article deals with the problems of intercultural communication teaching at the university level. It shows the great importance of the subject and gives some clues to deal with those problems. The Matrix model is proposed to describe the system of cultural values and peculiarities. A short historical comparative survey makes it possible to state that cultural transformations are relatively slow processes.

Key words: intercultural communication, cultural values, linguistics, language, matrix, cultural environment.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

*Дмитрий Алексеевич Гусев, д-р филос. наук, доц.
кафедра психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин*

E-mail: gusev.d@bk.ru

Московский университет им. С.Ю. Витте

<http://www.muiiv.ru>

Преподаватель социально-гуманитарных дисциплин, как правило, придерживается какой-либо мировоззренческой позиции, является в большей или меньшей степени приверженцем какой-то концепции. Понятно, что мировоззренческая позиция преподавателя в значительной степени влияет на его деятельность – как на то, что он расскажет студентам, так и на то, как он это сделает, что, в свою очередь, окажет влияние на формирование мировоззренческих ориентиров у студентов. Какую роль играет мировоззренческая ориентация преподавателя в образовательном процессе? Какой она могла бы и должна была бы быть?

Ключевые слова: мировоззрение, мировоззренческая позиция, преподавательская практика, образовательный процесс, социально-гуманитарные науки, скептицизм.

Д.А. Гусев

«Homo sum: humani nihil a me alienum puto, – говорили древние римляне, – я человек и ничто человеческое мне не чуждо». Также знаменитым латинским изречением является положение: «Errare humanum est – человеку свойственно ошибаться». Общим местом мировой духовной культуры является идея о том, что человек, несмотря на свои огромные возможности (по сравнению с другими живыми существами), является все же во многом ограниченным в своих силах и способностях, а также даже слабым, несовершенным, порочным и т.п. Он не только может, но и должен ошибаться, а иначе он не был бы человеком. Совершенным и не заблуждающимся является только Бог, а удел человека – многого не знать, но стремиться к всеобщему знанию, искать истину и не иметь возможности ее найти, быть, по словам Пифагора, не мудрецом, а только философом (не обладающим мудростью и истиной, то только желающим ее обрести).

По большому счету человек вряд ли может сказать, что он (в области мировоззренческих поисков и ответов на так называемые «вечные», или метафизические вопросы) что-то *знает*, скорее, – что он во что-то *верит*, т.е. выбирает на свой страх и риск некую систему идей, которая не *является*, а всего лишь *представляется*, или *кажется* ему более «правильной», чем другие. Однако в большинстве случаев, он настаивает на том, что именно *знает* нечто, и что именно так все и обстоит *на самом деле*, как он утверждает. Так, например, верующий человек, скорее всего, будет говорить не о том, что ему *кажется*, будто бы сверхъестественный мир существует, а о том, что он *действительно* существует, и он об этом именно *знает*; равно как и атеист чаще всего утверждает, что *на самом деле* сверхъестественного мира нет, и что он тоже об этом *знает*.

Если речь идет о человеке, профессиональная деятельность которого не связана с образованием и воспитанием, то вышеописанное положение дел вряд ли можно назвать одной из непростых проблем, требующей некоего решения. Но если речь идет о преподавателе (причем – как средней, так и высшей школы), то проблема мировоззренческой ориентации человека и ее роли в его профессиональной деятельности становится настолько же острой, актуальной и значимой, насколько сложной и не имеющей однозначного и общепризнанного решения.

Мировоззренческое значение вузовских дисциплин социально-гуманитарного цикла определяется прежде всего тем, что студентам не только передается определенная сумма теоретических знаний, у них также формируются умения самостоятельно ориентироваться в безбрежном океане проблем, идей и учений, созданных различными мыслителями в разные эпохи, анализировать, оценивать и понимать их, вырабатывать собственные убеждения и позиции по важным мировоззренческим вопросам, свой мотивированный взгляд на мир, человека и общество.

Формирование этих умений во многом зависит от преподавателя социально-гуманитарных дисциплин, причем – не столько от того, *что* он расскажет студентам, сколько от того, *как* он это сделает. Но преподаватель социально-гуманитарных дисциплин, например – философии, как правило, сам придерживается какой-либо мировоззренческой доктрины, является в большей или меньшей степени приверженцем какого-либо философского учения – он может быть материалистом или идеалистом, рационалистом или иррационалистом, позитивистом или метафизиком, марксистом или экзистенциалистом, может «исповедовать» классическую или неклассическую философию и т.п. (как и преподаватель религиоведения может быть православным или протестантом, мусульманином или буддистом, пиететным атеистом или воинствующим безбожником). Понятно, что мировоззренческая позиция преподавателя в значительной степени влияет на его деятельность – как на то, что он расскажет студентам, так и на то, как он это сделает, что, в свою очередь, окажет влияние на формирование мировоззренческих ориентиров у студентов; т.е. на преподавателе социально-гуманитарных дисциплин лежит, несомненно, большая моральная ответственность, чем на преподавателе математики, физики, химии и других естественных наук. Перед преподавателем социально-гуманитарного цикла в большей степени, чем перед преподавателем естествознания стоит вопрос о том, как, излагая необходимый для изучения материал, не исказить его, не передернуть, не извратить, или, шире, – *как не солгать и не навредить*.

Автор предлагаемой статьи, много лет преподающий философию в высших учебных заведениях и изучающий античный скептицизм, предпринимает попытку аргументировано показать, что минимизация возможных мировоззренческих искажений в преподавании социально-гуманитарных дисциплин достижима при условии, как ни странно это прозвучит на первый взгляд, что преподаватель придерживается скептической философской ориентации.

Утверждение о том, что преподаватель социально-гуманитарных дисциплин, разделяющий точку зрения скептического учения, сможет минимизировать возможные мировоззренческие искажения в своей преподавательской деятельности, т.е. сможет наиболее адекватно изложить идеи и учения, созданные различными мыслителями в разные эпохи и, тем самым, – предоставить студентам возможность максимально свободного личного выбора собственной мировоззренческой позиции, кажется не только странным, но даже парадоксальным. Ведь на первый взгляд кажется, что преподаватель, стоящий на идейной платформе скептицизма, при изложении различных учений как раз будет наиболее несправедлив по отношению к ним, так как будет стремиться показать их равную ошибочность и несостоятельность, а значит, не сможет удержаться от их заведомо неправильной интерпретации и искажения. Такое впечатление обусловлено широко распространенным и принципиально неверным представлением о скептицизме и скептиках.

Обычно под скептиком подразумевается тот, кто решительно все отрицает (идеи, учения, теории – как несостоятельные), не соглашается ни с одним тезисом, ничему и никому не верит, пытается возразить любому утверждению; широко распространен взгляд на скептика как на разрушителя и ниспровергателя. Такое понимание основных характеристик скептика и скептицизма и является, по крупному счету, ошибочным.

Слово «скептик» («σκεπτικός») в переводе с древнегреческого означает «склонный к рассматриванию, обдумыванию, взвешиванию, сосредоточению внимания на

чем-либо», и в данном плане скептик – это всего лишь рассматривающий, обдумывающий, размышляющий, ищущий. Последний представитель античного скептицизма Секст Эмпирик называл скептиков ищущими философами. Его главный, дошедший до нас трактат «Три книги пирроновых положений» начинается со следующей классификации мыслителей: «Ищущим какую-нибудь вещь приходится или найти ее, или дойти до отрицания нахождения и признания ее невоспринимаемости, или упорствовать в отыскании. Поэтому, может быть, и в отношении вещей, поисками которых занимается философия, одни говорили, что они нашли истину, другие высказывались, что воспринять ее невозможно, третьи, что еще ищут. Те, что воображают себя нашедшими, называются особым именем догматиков, как, например, последователи Аристотеля, Эпикура, стоиков и некоторые другие; об истине как о невоспринимаемом высказывались последователи Клитомаха, Карнеада и другие академики, ищут же скептики («...ζητοῦσιν δὲ οἱ Σκεπτικοί») [2, I. 1]. Итак, скептики всего лишь ищут, а ищущий, рассматривающий, обдумывающий, размышляющий – это еще не отрицающий и ниспровергающий.

Скептик является всего лишь размышляющим, ничего определенно не утверждающим и не отрицающим, во всем сомневающимся и ищущим истину, а скептицизм – это всего лишь сомнение в процессе такого поиска, призванное удержать мыслителя от поспешных выводов, малообоснованных предпочтений, безусловного принятия тезисов, которые могут быть ложными. «Основой образа философии в современной культурной и методологической ситуации, – говорится в материалах докладов и выступлений IV Российского философского конгресса, – является единство критической, коммуникативной, педагогической функции. Исполнение функции критики и дисциплины мышления состоит в демонстрации имманентных ограничений способов мысли, осознании их пределов, предупреждении их абсолютизации» [7, 376–377]. Понятно, что демонстрация имманентных ограничений способов мысли, осознание их пределов и предупреждение их абсолютизации тесным образом связаны с философским скепсисом и, по всей вероятности, трудновоплощаемы, если не невозможны, без него.

Особенность и оригинальность скептической философской позиции выражается в содержании самого понятия скептицизма. Вполне возможно согласиться с профессором А.В. Семушкиным в том, что «...семантика термина скепсис, по-видимому, адекватно передаваема лишь через гегеневтическое описание, путем перечисления и толкования его смысловых нюансов» [13, 176–187]. Обычно «скепсис» переводят на русский как «сомнение», однако такой перевод явно обедняет греческий термин, уменьшает его смысловую нагрузку, так как придает ему окраску некоторого самодовольного неверия, если не невежества, и своего рода интеллектуальной слабости, если не бессилия. Тем не менее, неверие, которое затормаживает развитие и движение мысли, невозможно признать одним из немногих существенных элементов скепсиса, скорее оно всего лишь один из множества его различных признаков. Рассматривая скептицизм только в качестве сомнения, вполне можно произвольно проигнорировать несомненно актуальное и плодотворное для философствования вопрошающе-проблематическое состояние сознания, которое скептики намеренно акцентируют, ставя перед собой цель (подобно Сократу) побудить мышление к открытию все нового познавательного опыта. Кроме того, некоторая приблизительность и условность перевода термина «скепсис» в качестве «сомнения» предстанет перед нами в более явном виде, если обратить внимание на то обстоятельство, что термин «скепсис» не является единственным понятием, с помощью которого его представители выражали свою философскую позицию. Первоначально скептики именовали себя пирронистами, т.е. последователями Пиррона из Элиды, основавшего скептическую школу. Однако от самого Пиррона не осталось никаких сочинений, и ввиду этой незафиксированности его учения в источниках его последователи предложили несколько понятий, с помощью которых возможно раскрыть содержание скептического философского умонастроения. Свою философию пирронисты

именовали не только «скептикой» («σκεπτικός»), но также – «апоретикой» («απορητικός»), «эффектикой», или «епектикой» («επισημη», «επισημη») и «зететикой» («ζητητικός»). Во-первых, последователи Пиррона являются скептиками, так как они «пристально высматривают» природу вещей, однако никогда не добиваются какого-либо положительного результата в своей деятельности, в силу чего скептицизм представляет собой не столько смущение, нерешительность, слабость, своего рода оцепенение мысли перед истиной, сколько, наоборот, обстоятельное, неторопливое и взвешенное наблюдение и исследование объекта, тщательное всматривание в него, которое, однако, не преследует цели непременно встать на ту или иную позицию, склониться к некоему определенному решению, выработать отчетливое суждение по рассматриваемым вопросам, так как отличается вполне похвальным стремлением, во что бы то ни стало, не сделать опрометчивых и ложных выводов, выдавая желаемое за действительное. Во-вторых, пирронисты являются апоретиками, в силу того, что они «затрудняются» выработать какое-либо определенное решение перед лицом логически равносильных, или изостеничных высказываний. В-третьих, последователи Пиррона являются эффектниками, так как они, благодаря никогда не покидающему их особенному изостеничному опыту, «воздерживаются» от всяких утверждений категорического характера. В-четвертых, пирронисты являются зететиками из-за того, что они постоянно «ищут» истину как некую заданную и безусловную цель теоретического познания, которая однако никогда не может быть реализована. Как видим, ни один из аспектов содержания пирронистского учения не является тождественным идее отказа от познания или его дискредитации и отнюдь не проповедует, как иногда интерпретирует скептическая философия, своего рода перманентного «успокоения» мысли. Как раз наоборот, философская позиция скептицизма характеризуется в первую очередь исследовательской незавершенностью и открытостью для постоянного роста и критического совершенствования знания. Специфика сомнения скептика заключается в том, что оно адресовано тем положениям, которые заслуживают сомнения или провоцируют его. При этом познавательная потребность не только не чужда скептику, он также знает, вопреки широко распространенному мнению о нем, чего он хочет, и в основе такого его знания лежат своего рода скептические аксиомы, которые, однако, не являются какими-либо определенными, положительными и принимаемыми на веру утверждениями. Говоря иначе, скептик обладает собственным «кодексом достоверности», который выполняет роль своеобразного регулятора и катализатора скептической познавательной активности. Если скептик сомневается, то в достигнутых на определенный момент результатах познания, но не в самом его процессе, не в самом существовании познания. Не изменяя своему основному принципу перманентного сомнения, скептик, тем не менее, питает убежденность в одном, а именно – в факте неизбывной пытливости человеческого ума, в неустранимости самого «познавательного инстинкта» человека; инстинкта, который, с одной стороны, сам по себе не вызывает у скептика никакого протеста, но, с другой стороны, безотчетно отдаваться власти которого скептик не намерен и потому умеет его контролировать. Скептик никогда не изменяет своей осторожности в суждениях и тем более не имеет уверенности в том, что истина вообще, или в принципе является достижимой. Однако эта скептическая осторожность является свидетельством не столько слабости, сколько, наоборот, самообладания, так как она подобна осторожности умудренного опытом человека, который считает своим долгом постоянно возвращаться к исходным основаниям собственных изысканий, чтобы лишним раз проверить не совершил ли он ошибку в самом начале, которая разрушает все его построения.

Итак, скептицизм есть плодотворное сомнение, и, если философия – это любовь к мудрости, т.е. не обладание истиной, а всего лишь стремление к ней, то скептицизм (а в данном случае можно также сказать – критицизм) является не только и даже не столько направлением в философии, сколько одним из ее существенных признаков, одной из ее

важных характеристик, ведь без сомнения или критического отношения к идеям, стремление к истине (или любовь к мудрости), скорее всего, невозможно.

Таким образом, задача скептика заключается не в том, чтобы представить различные идеи и учения как заведомо неверные, показать их равную ложность и несостоятельность, а, наоборот, в том, чтобы в каждом из них увидеть некую грань истины, найти нечто ценное и важное. Кстати, скептик не может стремиться к утверждению ложности какой-либо идеи, так как основной методологический принцип скептицизма состоит в том, чтобы, во избежание догматизма, ничего не утверждать и не отрицать. Если скептик, по его собственному признанию только ищет, то его отношение к противоборствующим идеям и теориям должно быть пиететным, потому что некую частицу (пусть ничтожно малую) или некоторый срез (пусть едва уловимый) истины возможно усмотреть в любой идее и в каждом учении. Если же скептики и говорят, что им ничего неизвестно, они ни в чем не уверены и ничего определенно не знают, то для них подобные высказывания не являются самоцелью (в противном случае они противоречили бы своему основному принципу ничего не утверждать и не отрицать), но опять же служат цели поиска истины, так как стремиться к ней будет только знающий о своем незнании. В данном случае скептицизм перекликается с идеями такого отнюдь не скептического философа, как Сократ. Знаменитое сократовское «Я знаю только то, что я ничего не знаю» является не просто констатацией незнания истины или, более того, ее несуществования (что роднило бы Сократа с софистами), но убежденностью в ее существовании и необходимости ее поиска, и поэтому знание о собственном незнании является самым ценным на свете знанием и подлинной мудростью.

Преподаватель социально-гуманитарных дисциплин, скептически ориентированный, или придерживающийся своего рода «философского нейтралитета», будет излагать учащимся различные доктрины как раз в контексте поиска истины, т.е. не с позиции превосходства и преодоления, а с позиции равенства и партнерства. Он будет стремиться показать студентам внутреннюю правоту и обоснованность разных точек зрения в социально-гуманитарных науках, продемонстрировать определенную причастность истине различных идей, направлений, течений и традиций, возможность и правомерность любого хода мысли, несмотря на пугающую множественность последних и их озадачивающее вечное противоборство. Здесь могут возразить, что к подобному должен стремиться в своей профессиональной деятельности каждый преподаватель независимо от своих мировоззренческих ориентиров и идейных предпочтений. Действительно, это так – преподаватель социально-гуманитарных дисциплин должен стремиться, по возможности, к беспристрастному и объективному изложению различных идей и учений. Однако *должен* еще не означает, что вполне *может*. Речь как раз и идет о том, что преподавателю, который является приверженцем какой-то определенной (положительной, или, как говорят скептики, догматической) мировоззренческой позиции, будет сложнее удержаться от искажений, субъективно-ориентированного расставления акцентов и личных оценок по отношению к излагаемому материалу, а значит – сложнее будет исполнить свой профессиональный долг. И наоборот, для преподавателя, стоящего на позициях скептицизма, «мировоззренчески нейтрально» ориентированного, осуществление вышеназванного является естественным и не представляющим затруднений, так как оно вполне созвучно его скептическому умонастроению, если не сказать – органично вытекает из него.

В своей многолетней преподавательской практике я нередко сталкивался с ситуацией, когда студенты говорили мне приблизительно следующее: «Когда вы рассказывали нам о даосизме, мы стали даосами, настолько правильным нам показалось их учение; когда вы говорили о Пифагоре, мы стали пифагорейцами; когда речь шла о философии Эпикура, мы стали эпикурейцами; потом мы были, соответственно, сторонниками Ф. Бэкона и картезианцами, последователями Д. Юма и кантианцами, гегельянцами и поклонниками Л. Фейербаха, марксистами и экзистенциалистами; когда вы излагаете

одно философское учение, оно кажется нам правильным, когда рассказываете о другом, оно представляется нам верным не в меньшей степени, чем первое». Когда студенты говорят мне подобное, я считаю, что отпущенное на лекции и семинары время не было потрачено впустую, наши встречи состоялись вполне, моя задача выполнена и цель достигнута. «Как вам удастся представить каждое философское учение, – спрашивают они, – как вполне убедительное и правильное?» Я думаю, что мне удастся это во многом благодаря тому, что в философии (или в области теоретического разума) я придерживаюсь как раз скептической традиции.

В качестве примера можно отметить, что для формирования у студентов адекватного представления о философии как об одной из форм духовной культуры человечества (наряду с наукой, религией, искусством) преподавателю следует неоднократно подчеркивать специфику природы философского знания, которая состоит в том, что философия – это именно (то же получается и при переводе самого термина «философия» с греческого на русский) любовь или стремление к мудрости (знанию обо всем, истине) и одновременное признание невозможности ее достижения. А это, в свою очередь, означает, что в философии, более чем в каком-либо другом виде интеллектуальной деятельности, не может быть окончательных ответов, вполне разрешенных проблем, твердо установленных положений и общепризнанных утверждений. Знаменитая буддистская тетралемма, «суета сует» Экклезиаста, релятивизм греческих софитов, сократовское «я знаю, что ничего не знаю», тропы философского воздержания Секста Эмпирика, апофатическая теология средних веков, «идолы» Ф. Бэкона, «поток впечатлений» у Д. Юма, кантовская «вещь в себе», иррационализм «философии жизни», позитивистский отказ от поиска интегральных оснований бытия, субъективистское сосредоточение в прагматизме, отчаянные герменевтические попытки сознанием преодолеть границы сознания, безысходная трагическая обреченность человека в экзистенциализме – не есть ли все это тяжелое, но откровенное признание человека самому себе относительно незначительных, в конечном счете, познавательных возможностей и малых шансов достижения искомого. История философии представляет собой грандиозное в пространстве и времени сомнение человеческого духа в результатах его нескончаемого поиска ответов на так называемые вечные вопросы. Сомнение, которое появилось одновременно с проблемой познания и рождением самой философии, которое связано со знаменитым ответом Пифагора на вопрос флиунтского тирана Леонта, является ли он (Пифагор) мудрецом: «Я не мудрец, но только философ» [1, VIII.8]. В этих известных словах, условно знаменующих собой рождение философии, достаточно четко обрисована основная философская проблематика: у познания есть границы, разум не всемогущ, по, подобно планете, вращающейся вокруг солнца, обречен на вечный путь вокруг света истины и на вечную же невозможность полного с ней соединения. Поэтому скептицизм, который есть не что иное как сомнение, представляет собой не фрагмент философского мышления, но один из его наиболее принципиальных и характерных параметров; в силу чего скептически ориентированный преподаватель философии, скорее всего, лучше справится с задачей адекватного формирования у учащихся представления о специфике философского знания и о принципиальных особенностях философии как одной из форм духовной культуры человечества.

В заключение автор считает необходимым отметить, что в данной работе новым является методологическое положение о целесообразности скептицизма, или своего рода нейтральной мировоззренческой ориентации преподавателя социально-гуманитарных дисциплин в его профессиональной деятельности. Автор, конечно же, не призывает всех преподавателей социально-гуманитарных дисциплин сделаться скептиками, но предлагает рассмотреть возможность применения в практике их преподавания основных методологических принципов скептицизма – воздержания от окончательных и однозначных утвердительных или отрицательных суждений; признания, в конечном итоге, изостеничности (равносилы) противоборствующих высказываний, достижения

атараксии – душевной невозмутимости и бесстрастности, которая особенно важна для того, чтобы иметь возможность избежать субъективных оценок и предпочтений при изложении различных теорий.

Литература

1 *Diogenes Laertius. De vitis, dogmatis et apophthegmatis clarorum philosophorum libri X. Vol. I–II. Lipsiae, 1828–1831; Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова. – М.: Мысль, 1979. – 571 с.*

2 *Sextus Empiricus. Pyrrhoniaron institutionum Libri III // Sextus Empiricus. Opera Graecae Latine. T. I. Lipsiae, 1840. Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений / пер. Н.В. Брюловой-Шаскольской // Секст Эмпирик. Соч. в 2 т. – М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 205-380.*

3 *Алешинская Е.В., Гриценко Е.С. Английский язык как средство конструирования глобальной и локальной идентичности в российской популярной музыке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6 (1). С. 349-353.*

4 *Гатиатуллина Э.Р., Орлов А.Н. Маргинализация как социальный феномен в контексте современных глобализационных процессов // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2013. № 4(6). С. 63-68.*

5 *Дмитриева Н.А. Б.А. Фохт: триумф нетипичности // Философский век. Альманах. Вып. 10. Философия как судьба: российский философ как социокультурный тип / отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. – СПб.: С.-Петербургский Центр истории идей, 1999. С. 84-94.*

6 *Дмитриева Н.А. Кантианство на рубеже XIX–XX веков. К истории неокантианства в России // Иммануил Кант: наследие и проект / под ред. В.С. Степина, Н.В. Мотрошиловой. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. С. 585-592.*

7 *Завьялова М.П., Сухушин Д.В. Ценность философского образования в современных условиях // Философия и будущее цивилизации: тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса в 5 т. (Москва, 24–28 мая 2005 г.). – М.: Современные традиции, 2005. Т. 2. С. 376-377.*

8 *Климов С.Н., Музяков С.И. Образование и профессиональная культура: противоречия, проблемы и подходы к их разрешению // Армия и общество. 2012. № 1(29). С. 48-53.*

9 *Осипова Н.В. Современный университет как социальный институт: автореф. дис. ... на соискание уч. степени канд. социол. наук / МГУ им. М.В. Ломоносова (МГУ). – М., 2004. – 16 с.*

10 *Потатуров В.А. Культура и цивилизация: диалектика взаимоотношений (методологические аспекты) // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 3(6). С. 52-62.*

11 *Рыбакова Н.А. Самоактуализация педагога в профессиональной деятельности и условия ее становления // Вестник Московского института лингвистики. 2012. № 3. С. 100-105.*

12 *Рыбакова Н.А. Теоретические основы и технология художественно-творческой самоактуализации учителя музыки: автореф. дис. ... д-ра педагог. наук. – Барнаул, 2006.*

13 *Семушкин А.В. Античный скептицизм. Лекция 1. Пирронизм // Вестник Российского университета дружбы народов. Философия. Bulletin of Peoples Friendship University of Russia. Philosophy. – М., 1997. № 1. С. 176-187.*

14 *Флеров О.В. Влияние современных педагогических идеалов на обучение иностранным языкам // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 8. С. 109-111.*

15 *Быков А.К. А.С. Макаренко: к дискуссии о творческом наследии // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. С. 19-24.*

16 *Аркова Т.И. Гуманитарное образование как основа преемственности духовно-нравственных ценностей // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. С. 99-103.*

17 *Левкина Т.В. Интерпретация роли династии Романовых в укреплении российского государства на уроках истории в общеобразовательной школе // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. С. 25-32.*

18 *Исаев Е.А. Культурное самоопределение студентов в языковой образовательной среде вуза // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. С. 59-63.*

19 Шлычков В.Р. Девиантное поведение личности как социально-психологический феномен: анализ проблемы, типология форм и возможности профилактики // Образовательные ресурсы и технологии. 2013. № 1. 33-41.

Ideological orientations of the teacher of the humanities in the educational process

Dmitriy Alexandrovich Gusev, Ph.D., Associate Professor, Department of psychology, pedagogy and social and humanitarian disciplines of the Moscow University S.Y. Witte

A teacher of Humanities as a rule sticks to a certain philosophic position. To some extent he is an adherent of a certain conception. Needless to say his philosophic position influences his activity in a high degree. This influence spreads both on what the teacher tells the students and on the way it is done. In its turn this has an influence on forming students' philosophic orientation. What role does teacher's philosophic orientation play in the pedagogical process? What could and should it be like?

Keywords: philosophy, philosophic position, teaching practice, pedagogical process, Humanities, skepticism.

УДК 304.44

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СКЕПТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ МЫШЛЕНИЯ

*Сергей Иванович Музяков, д-р филос. наук, доц.,
кафедра психологии, педагогики и социально-гуманитарных дисциплин
E-mail: sobor-65@yandex.ru
Московский университет им. С.Ю. Витте
<http://www.muiiv.ru>*

Проблема информационных и межкультурных коммуникаций является одним из прогрессивно развивающихся направлений исследования, как за рубежом, так и в современной России. Концептуальной основой западных исследований по данной проблематике выступают междисциплинарные подходы, что обусловлено потребностью многостороннего осмысления происходящих в этом поле процессов. Особый интерес представляет изучение процессов информатизации общественной жизни и развитие коммуникаций между разными социокультурными системами. Процессы информатизации это не такое уж новое явление. Проблемы информатизации и коммуникации всегда интересовали мыслителей различных эпох. На наш взгляд, весьма интересными являются размышления античных скептиков, которые довольно тщательно изучали проблемы информации, коммуникации и заложили основу современных позитивистских концепций в этой области.

Ключевые слова: информация, коммуникация, информационные и межкультурные коммуникации, истина, мышление, парадигма, методологическая позиция, скептицизм.

Переориентация общества в середине XX в. на информацию и знания как стратегические ресурсы развития привели к радикальным переменам как в организации жизни в целом, так и в отдельных ее сегментах. Радикальные и быстрые изменения в жизни человека и общества, связанные с процессами информатизации требуют переосмысления существующих методологических подходов к проблемам межкультурных коммуникаций. Современную культуру невозможно рассматривать без таких понятий, как «информация», «коммуникация». Эти понятия существовали всегда, может быть интерпретация была немного иной, но интересовали они мыслителей во все времена.